

THE
NEW REVIEW
Новый Журнал

Основатели — М. Алданов и М. Цетлин — 1942

С 1946 по 1959 редактор М. Карпович

С 1959 по 1966 редакция: Р. Гуль, Ю. Денике, Н. Тимашев

С 1966 до 1975 редактор Роман Гуль

С 1975 по 1976 редакция: Р. Гуль (главный редактор),

Г. Андреев, Л. Ржевский

Тридцать девятый год издания

А.А. ЧАЦКИЙ В "ГОРЕ ОТ УМА" ГРИБОЕДОВА

(ПОПЫТКА РАЗВЕНЧАНИЯ ГЕРОЯ)

Большие писатели часто оказываются необъективными критиками. Напомню несколько примеров. И. Бунин не признавал таланта Ф. Достоевского, не ценил пьес А. Чехова. В. Набоков* считал, что в курсе по русской литературе достаточно посвятить десять минут творчеству и личности Достоевского. Роман "Доктор Живаго" для Набокова бесталанен и полон мутной советчины. Солженицын же — третьестепенный журналист, а В. Гете — "пошляк". В истории литературы бывали и обратные случаи, т. е. высокая оценка гением, великим писателем слабого писателя и незначительного поэта. Приведу пример: неумеренные похвалы В. Гете сербскому плохому поэту и великому чудаку — Симе Милутиновичу Сарайлии. Бывает и так, что "дух времени", установившаяся оценка произведения и его героя, увлекают за собою и талант, и ум, и объективность критика.

* От редакции. Дабы не создавать недоразумений, сообщаем, что наша редакция отнюдь не считает Набокова "большим писателем". Одаренность литературного трюкачества и эпатажа (особенно скабрёзного) дана многим снобам и пщютам в литературе. Но это совершенно иная литературная категория, чем "большой писатель". В "большом писателе" всегда наличествует и большая личность. Его не может потянуть порнографическая "слава" (среди международных снобов, конечно) бездарной "Лолиты" и еще более бездарной "Ады". К перечислению Р. В. Плетневым снобистически-глупых заявлений господина Набокова добавим, что ему же принадлежит в одном интервью сообщение, что "Платон — не философ". Р.Г.

В русской критике положительная и похвальная оценка характера, слов и действий Чацкого покоилась не столь на отзыве В. Белинского (он говорит в своей статье больше о Гоголе, чем о "Горе от ума" и Чацком), но на мнениях и аргументах А. Григорьева и особенно И. Гончарова. Статья последнего "Мильон терзаний"* была решающей. Возможно ли считать И. Гончарова вполне объективным критиком? Я полагаю, что нельзя. Если, напр., взять его письмо к А. Пыпину — "Заметки о личности Белинского" (1874 г.), то необходимо отметить известную пристрастность. Гончаров замалчивает многое, оправдывает ряд выпадов, даже таких, где Белинский заявлял о Лукреции Флориани (героиня модного романа Жорж Занд): Лукреция "богиня, перед которой весь мир должен стать на колени!" Гончаров опускает отзывы Белинского о зрелом Пушкине. В этих отзывах читаем: "По своему воззрению Пушкин принадлежит к той школе искусства, которой пора уже совершенно миновала в Европе и которая даже у нас не может произвести ни одного великого поэта". Гончаров не мог не знать, как Белинский печатно одобрял в переводе "Гамлета" самовольную вставку в монологе: "У Шекспира этого нет. Так что ж?.. Переводчик вошел в дух Шекспира, освоился..." (Кстати, Белинский не знал ни слова по-английски и толковал о достоинствах двух переводов!) Гончаров не признает недостатка образования у Белинского, затушевывает его полнейшую зависимость в философских вопросах от мнений приятелей, знавших иностранные языки. В статье-письме ясно желание выгородить Белинского. Замалчивается многое, затушевывается невыгодное при признании горячности, а порою и непоследовательности Неистового Виссариона, как звали Белинского некоторые современники.

Обратимся теперь к "Критическому этюду" — "Мильон терзаний". Основные положения этой большой статьи (около 34 страниц) можно свести к двум пунктам. 1) Чацкий впадает в расстройство нервов, добиваясь от Софьи: любит ли она его или нет. Отсюда-де его нетерпимость, преувеличения, отчаяние и гнев. 2) Чацкий ценен, как обличитель дурного, закоснелого,

* Собр. соч., т. VIII. М. 1955, стр. 7, 13, 15, 19, 22, 32 - 34.

эгоистического общества. По Чацкому старшие чиновники — "подлейшего житья подлейшие черты", или "За дряхлостью лет к свободной жизни их вражда непримирима". Гончаров пишет: "Главная роль, конечно, — роль Чацкого, без которой не было бы комедии, а была бы, пожалуй, картина нравов ... Чацкий не только умнее всех прочих лиц, но и положительно умен... У него есть и сердце, и притом он безукоризненно честен... Он вечный обличитель лжи, запрятавшейся в поговорку: "один в поле не воин". Нет, воин, если он Чацкий, и притом победитель, но передовой воин, застрельщик и — всегда жертва". Далее Гончаров полагает, что те критики ошибаются, которые считают, что в Чацком мало жизненности и это "абстракт, идея, ходячая мораль комедии, а не такое полное и законченное создание, как, например, фигура Онегина..." И с этим несогласен автор "Обломова", тут-де действует закон драматической формы произведения, "Евгений Онегин" же эпическое. С этим положением трудно согласиться, если вспомнить, напр., тип Хлестакова и его обрисовку в "Ревизоре" Гоголя. Знает Гончаров и об отрицательном суждении об уме Чацкого Пушкина: "Сам Грибоедов приписал горе Чацкого его уму, а Пушкин отказал ему вовсе в уме". Здесь, вероятно, подразумевается письмо поэта к А. А. Бестужеву, где читаем следующее: "Теперь вопрос. В комедии "Горе от ума" кто умное действующее лицо? Ответ: Грибоедов. А знаешь ли, что такое Чацкий? Пылкий, благородный и добрый малый, прошедший несколько времени с очень умным человеком (именно с Грибоедовым) и напитавшийся его мыслями, остротами и сатирическими замечаниями. Все, что говорит он, очень умно. Но кому говорит он все это? Фамусову? Скалозубу? На бале московским бабушкам? Молчалину? Это непростительно. Первый признак умного человека — с первого взгляду знать, с кем имеешь дело..."

Однако большинство критиков и в новейшее время (см. работы Вл. Орлова*) считали, подобно Гончарову, Чацкого и умным, и дельным, и добрым героем. Вот именно в его-то характере, словах и действиях я и попробую разобраться. Вперед же упомяну, что в русском литературном кружке в Филадельфии

*"Грибоедов. Очерк жизни и творчества". М. 1954.

в юбилейный 1979 год шел спор о "Горе от ума" и его действующих лицах. Судя по газетам, одни из присутствующих обвиняли Грибоедова в неумеренном и излишнем сгущении красок, в неправильном представлении Москвы и москвичей 1820-х годов, тогда как другие защищали автора и его взгляды. Сошлись же, кажется, на том, что Москва 1970-х годов и ее элита хуже изображенной Грибоедовым.

Такой спор, по моему мнению, совершенно беспредметен. Конечно, Москва и москвичи в "Войне и мире" Л. Толстого привлекательны, симпатичны, часто патриоты, во многом люди чести и совести. Да и "Грибоедовская Москва" под пером М. Гершензона нам приятна. Грибоедов же — сатирик! Эдак бы можно упрекать и Гоголя в "Ревизоре" за изображение сплошь отрицательных типов, за судью, берущего взятки борзыми щенками, за невежду лекаря, за городничего — тирана и взяточника, упрекать и говорить, что не все же люди, не все чиновники были так плохи. Но сатира есть сатира, комедия нравов и быта должна насолить и... пересолить, обличить и подчеркнуть зло в обществе, в социальных отношениях, в формах быта. Речь же наша идет о том, насколько главный герой комедии и любимец автора положительный тип, представитель разума и добра.

Прежде чем начать анализ действий и слов Чацкого, позволю себе несколько замечаний о тексте комедии "Горе от ума". Известно, что полностью при жизни Грибоедова она не была напечатана, что лучшими списками считаются Ф. Булганинский и Музейный, но и они несовершенны. Неоспоримо: "Горе от ума" и "Ревизор" — лучшие комедии русской литературы XIX века даже при ряде неувязок и анахронизмов в произведении Грибоедова. Привожу только наиболее существенные. 1) Служанка — субретка шесть раз названа Лизанька, а затем все время только Лиза. 2) Чацкий спрашивает Софью: "А тетушка? все девушкой Минервой? Все фрейлиной Екатерины Первой?" Но Екатерина Первая (Скаврнская) стала императрицей лишь в 1725 году и умерла в 1727 г. Сколько же лет упомянутой тетушке? Судя же по дальнейшим словам Чацкого о тетушке: "воспитанниц и мосек полон дом", что в духе именно некоторых фрейлин Екатерины Второй, о ней и речь? Все в комедии, и сам Чацкий, говорят о его трехгодичном непрерыв-

ном отсутствии и езде по Европе. В то же время он замечает офицеру в отставке — Горичу: "Не в прошлом ли году, в конце, в полку тебя я знал? Лишь утро: ногу в стремя и носишься на борзом жеребце..." И тут же он, в болтовне с женою Горича, подчеркивает, что отсутствовал три года. Легко найти еще и другие мелкие недочеты, не уменьшающие блеска речений и живых фразеологизмов комедии. Возможно, что, готовя к печати "Горе от ума", Грибоедов исправил бы ряд недостатков текста и даже черт характера главного героя. Но чего нет — нет. Личность Чацкого я разбираю по десяти пунктам — упрекам. 1) Невежливость-неучтивость, невоспитанность совершеннолетнего человека. 2) Неумение владеть собою. 3) Ненастоящая любовь к Софье. 4) Неспособность быть благодарным. 5) Слабое отечестволюбие. 6) Остроличное свободолюбие и забвение своих крепостных и их положения. 7) Безделие в Европе — пребывание на "кислых водах". 8) У Чацкого трудно найти новые идеи и свежие мысли. 9) Не умеет, не может догадаться, кому и что можно говорить, не видит, что его не то что понимать, а и слушать не хотят. 10) Нечуткость для влюбленного непростительная: все ясные слова и намеки Софьи перетолковывает в свою пользу или их не понимает. Глупо дает оружие в руки врагам, говоря сам несколько раз о своем сумасшествии.

1. Можно ли человеку более чем вдвое старшему, да еще возможному тестю, в доме которого он жил в детстве и отрочестве и получал бесплатно образование и знание иностранных языков, возможно ли за три года отсутствия не написать двух слов? А на вопрос о сватовстве спросить: "А вам на что?" На столь невежливый и просто глупый вопрос Чацкий получает отповедь Фамусова:

"Меня не худо бы спроситься,
Ведь я ей несколько сродни,
По крайней мере искони
Отцом недаром называли".

На похвалы Фамусова уму и литературной деятельности Чацкого, он, в присутствии незнакомого ему полковника Скалозуба грубо говорит Фамусову: "и похвалы мне ваши досаждают". Фамусов просил Чацкого "помолчать, не велика

услуга", т.е. не критиковать всё и вся в присутствии Скалозуба. Но герой комедии с места в карьер налетает на москвичей, на их любовь к военным, на их предрассудки, на сужденья старших, не замечающих-де "об себе: что старее, то хуже". И все это и еще горшее Чацкий говорит при Фамусове и о Фамусове, с которым, однако, при встрече дружески обнимается! Малоознакомому Молчалину на вопрос о незнакомой Чацкому даме он отрезает: "С ней век мы не встречались. Слыхал, что вздорная". Или о начальнике отделения Фоме Фомиче Чацкий насмешливо восклицает: "Хорош! Пустейший человек, из самых бестолковых". Зачем все это говорить Молчалину? Чего хочет добиться Чацкий? Сплетен? Пересудов? Думает переубедить Молчалина, которого презирает? А как невежлив вопрос о дяде Софьи: "Ваш дядюшка отпрыгал ли свой век?"

2. Александр Андреевич Чацкий совершенно не владеет собою. На совет Фамусова: "С дороги нужен сон. Дай пульс. Ты нездоров", раздражается несдержанной, полубезумной для слушателей, речью. Чацкий признает:

"Да, мочи нет: мильон терзаний
 Груды от дружеских тисков,
 Ногам от шарканья, ушам от восклицаний,
 А пуще голове от всяких пустяков...
 Душа здесь у меня каким-то горем сжата,
 И в многолюдстве я потерян, сам не свой.
 Нет! недоволен я Москвой..."

Весь кипя гневом, он с жаром ораторствует долгонько против увлечения французоманией и внезапно замечает:

"Я, рассердясь и жизнь кляня,
 Готовил им ответ громовой,
 Но все оставили меня..."

Его не хотят слушать, отходят от говоруна. Чацкий, не владея собой, и после первого фиаско опять начинает ораторствовать: "... Глядь..." ("Оглядывается, все в вальсе кружатся, с величайшим усердием. Старики разбрелись к карточным столам"). В четырнадцатом явлении Чацкий вопит:

”Вон из Москвы! Сюда я больше не ездук.
 Бегу, не оглянусь, пойду искать по свету,
 Где оскорбленному есть чувству уголок!
 Карету мне, карету!”

Но не сказал ли он Софье сразу по приезде на ее вопрос и замечание: ”Гоненье на Москву. Что значит видеть свет! Где ж лучше?” — ”Где нас нет”.

Пустейший болтун, бесструнная балалайка — Репетиллов, спешно уезжая, приказывает своему слуге: ”Пооди, сажай меня в карету, вези куда-нибудь”. Не уезжает ли сходно Репетиллову и Чацкий ”куда-нибудь”, искать по свету некий уголок своей обиде на Софью и москвичей? Он в сути дела убегает без цели, без дела, без самообладания.

3. Действительно ли Чацкий столь сильно и искренно любит Софью? И тут возникают у меня серьезные сомнения. Возможно ли любящему верно и страстно и беспокойно: ”Ах! тот скажи любви конец, кто на три года вдаль уедет”, возможно ли не писать любимой письма три года, не дать знать о себе, не поделиться с подругой детства и отрочества своими впечатлениями и переживаниями? Такая психология искренно любящего и хорошо знакомого любимой совершенно непонятна. По приезде в дом Фамусова, видя явную холодность Софьи, Чацкий упорно добивается, кого она любит, и произносит исключительно характерные слова:

”Чтоб равнодушнее мне понести утрату,
 Как человеку вы, который с вами взрос,
 Как другу вашему, как брату,
 Мне дайте убедиться в том;
 Потом,
 От сумасшествия могу я остеречься;
 Пушусь подалее — простыть, охолодеть,
 Не думать о любви, но буду я уметь
 Теряться по свету, забыться и развлечься”.

Чацкий, увы, совсем не думает, что он три года уже развлекался, что пора бы подумать о работе, о службе, о занятиях, о литературе. Он вновь желает ”развлекаться” и не на тех ли ”кислых водах” (курорте), о которых вспоминает Лиза?

Сам же герой замечает о себе и своих путешествиях: "хотел объехать целый свет, и не объехал сотой доли". Любя столь сильно, а не общаясь письменно за все три года, он непонятнее, чем Софья. Она говорит:

"Кто промелькнет, отворит дверь,
Проездом случаем, из чужа, из далека —
С вопросом я, хоть будь моряк:
Не повстречал ли где в почтовой вас карете?"

Софья не влюблена в Чацкого, она увлечена бесцветным Молчалином, но она все же вспоминала прежнюю дружбу с Чацким, справлялась о нем и это понятно. Любопытно, что, мучась сомнением, кого любит Софья, хотя она очень ясно выразила свою любовь и словами и обмороком при падении с лошади Молчалина, Чацкий и не думает бороться за свою любовь, попытаться вернуть к себе расположение и дружбу Софьи. Грубо и глупо он нападает, он насмехается перед Софьей над тем, кого может считать своим соперником.

4. О неблагодарности по отношению к Фамусову и говорить нечего. Он забыл и хлеб-соль, и ученье, и добродушие Фамусова, в доме которого был явно принят как родной.

5. В начале комедии Чацкий радуется приезду на родину: "Когда постранствуешь, воротисься домой, и *дым отечества нам сладок и приятен!*" Так он повторил известный стих Г. Державина. Но вскоре "дым отечества" уже ест ему глаза. "Душа здесь у меня каким-то горем сжата... Нет! недоволен я Москвой".

6. Чацкий свободолюбив, жаждет независимости. Бранит помещиков, у которых за долги распродают поодиночке крестьян, не думая о их семьях. Упреки справедливы, однако он сам забывает о своих крепостных. Фамусов подчеркивает: "имением не управляй оплошно". Четыреста душ крепостных крестьян Свободолюбца дали ему средства на поездки по Европе; да мог ли Чацкий и оплошно управлять имением, отсутствуя три года! Герой наш нигде не выражает желаний освободить своих крестьян или перевести их хотя бы на положение вольных хлебопашцев. Можно бы легко ему заметить по басне И. Крылова: "Чем кумушек считать трудиться, не лучше ль на себя, кума, оборотиться". Хорошо о таких, как

Чацкий, написал Некрасов в поэме "Саша": "...Книги читает да по свету рыщет — дела себе исполинского ищет, благо наследье богатых отцов освободило от малых трудов".

7. Ни единым словом герой комедии не упоминает о работе, о своих трудах за время поездок и пребывания в Европе.

8. Чацкий возмущается отсталостью старшего поколения, их презрением к науке и философии, их суждениям "из забытых газет времен очаковских и покоренья Крыма". Возможно, негодование его справедливо. На поверку же в речах героя-критика мы не находим ни новых идей, ни дальних мыслей. Он гневно, просто с пеной у рта, критикует галломанию, но это же делает и представитель старшей генерации — Фамусов. Это старое недовольство еще XVIII века, вспомним Д. Фонвизина, вспомним русского поросенка, из Парижа воротившегося "свиньей". Чацкий за просвещение, за книги и их чтение. Он бранит век минувший, век Екатерины Второй. Но вспомнить бы следовало: в 1763 году вышло из печати около тридцати разных романов по-русски. В 1793 году, за три года до смерти Екатерины Второй, напечатано уже сто двадцать восемь! Переведены десятки шедевров западноевропейской литературы, родились общественные журналы, где смели даже критиковать мнения императрицы.

9. По мнению Пушкина, Чацкий неумный человек. Его тирады обращены не по адресу и встречают то отпор, то недоумение или пренебрежение. В ряде случаев его просто не слушают.

Чацкий доходит и до смешного, считая фрак одеждой, созданной "рассудку вопреки, наперекор стихиям". Чацкий не хочет служить, чтоб не прислуживаться: "Служить бы рад, прислуживаться тошно". И не подумает Чацкий попробовать служить без прислуживания и подслуживания, как сам А. С. Грибоедов.

10. Чацкий просто неспособен, не в силах понять не только намеки, но и откровенные слова Софьи. Она ясно, недвусмысленно выражает свои мысли и чувства. Заметил, однако, Чацкий при встрече: "Удивлены? и только? вот прием! Ни на волос любви!.." Софья и дает, и произносит в лицо герою ряд беспощадных замечаний и упреков:

"Случилось ли, чтоб вы смеясь? или в печали?
 Ошибкою? добро о ком-нибудь сказали?
 Хоть не теперь, а в детстве, может быть...
 Убийственны холодностью своею,
 Смотреть на вас, вас слушать нету сил...
 Зачем же быть, скажу вам напрямик,
 Так невоздержну на язык?
 В презренье к людям так нескрыту?
 Что и смирейшему пощады нет!"

Софья признается Чацкому, что с Молчалиным "Бог нас свел", и попутно так характеризует ум и действия Чацкого Чацкому же:

"Конечно, нет в нем (Молчалине) этого ума,
 Что гений для иных, а для иных чума,
 Который скор, блестящ и скоро опротивит,
 Который свет ругает на повал,
 Чтоб свет об нем хоть что-нибудь сказал;
 Да эдакий ли ум семейство осчастливит?"

Софья открыто говорит о Молчалине нашему герою: Молчалин "чужих и вкривь и вкось не рубит, вот я за что *его люблю*". Все колкости, шпильки, вся откровенность Софьи не убеждают Чацкого до последней сцены. Правда, в середине комедии он что-то видит: "Ах! Софья! Неужели Молчалин избран ей! А чем не муж? Ума в нем только мало; но чтоб детей иметь, кому ума недоставало?" Однако он вскоре опять ничего не понимает, не глядит правде в глаза, не хочет видеть фактов любви Софьи к Молчалину. Он глух и слеп на ее резкости, на пренебрежение просьбой его войти на минутку в ее комнату, вспомнить старое.

Что же представляет собою Чацкий, кому он сродни в середине двадцатых годов XIX века? Ближе всего он к друзьям декабристов. Сомнительно, чтоб Чацкий мог убить героя 1812 года М. Милорадовича на Сенатской площади, или в испуге убежал в Австрийское посольство. Скорее всего к нему приложима эпиграмма Грибоедова о самом себе:

"По духу времени и вкусу
 Он ненавидел слово раб,

Зато попался в Главный штаб
И был притянут к иисусу”.*

Разобрались бы в его непричастности к бунту и отпустили. Чацкий же полагает во многоглаголании найти спасение. Без передышки, захлебываясь, течет часто его речь, его монологи. Историк В. Ключевский считал “Горе от ума” самым политически острым произведением первой половины XIX века. Чацкий — обличитель, критик общественных неурядиц и недостатков — был поднят на щит либеральной и левой прессой. Он-де за новое, он за свободу! Либеральной печати было совершенно неважно разбираться в характере слов и язвительных тирад этого героя, а важно было то, что он критикует, он обличает!

Блестящий стиль и язык разностопных ямбов комедии создал несколько десятков пословичных изречений, фразеологизмов и остроумных выражений. Многие изречения из комедии Грибоедова вошли в золотой фонд русского языка. Вспомнив Пушкина, Гончаров сказал, что эти изречения из “Горя от ума” есть “миллион разменянный на гривенники”. Но проблемы стиля и языка, типы и характеры других лиц комедии не входят в наш этюд, это особая тема.

Р. Плетнев. Монреаль 1980

* Тогда значило попасть под следствие.